

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК СРЕДСТВО ТРАНСФОРМАЦИИ ПОВЕСТКИ ДНЯ В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

XX век целым рядом мыслителей характеризовался как период "восстания масс". Отталкиваясь от этой метафоры, можно заявить, что XXI век начинается как время "бунта меньшинств", иногда внешне бессмысленного и временами разрушительного и беспощадного. Глобализация, активизировавшая процессы миграции, одновременно подстегнула своеобразный "иммунный" ответ на нее в плане обращения самых разных этнических и конфессиональных групп к своим истокам. Общей идейной точкой рассуждений многих исследователей и политиков в последние десятилетия стали утверждения о том, что оборотной стороной процессов унификации и интеграции, связанных со становлением и эволюцией институтов индустриального общества, развитием тенденций глобализации и интеграции в единое целое различных составных частей мирового сообщества, становится возрождение партикуляристских тенденций в самых разных сферах жизни социума - от инсталляции идеологий, отстаивающих принципы политической и иной обособленности государственных образований и этнических и расовых групп, до обоснования необходимости развития религиозной, культурной самобытности тех или иных конфессиональных и этнических общностей. В идеологическом смысле проявлением подобных тенденций на современном этапе являются вариации правоконсервативных концептуализаций темы защиты "отечеств", либо сепаратистские этноцентристские разновидности национализма. В результате констатируется активный процесс повторного вторжения этнополитической проблематики в большую, в том числе, международную политику. Надо полагать, в данном случае необходимо выявить - является ли подобное вторжение проявлением объективной тенденции размывания/усиления национальных идентичностей? Не представляет ли оно собой в определенном смысле побочный продукт политического конструктивизма и глобальной политической инженерии? Всестороннее рассмотрение данной комплексной проблемы невозможно в рамках одной статьи. Тем не менее, попробуем пунктирно остановиться на некоторых наиболее значимых, с нашей точки зрения, аспектах проблемы.

В последнее время достаточно много (иногда даже довольно назойливо) говорится о воздействии глобализации на самые разные стороны политических процессов - как в отдельных странах, так и в мировом масштабе. Но применительно к этнополитическим аспектам функционирования современной системы международных отношений не вполне очевидно, идет ли при этом речь об объективных "эффектах глобализации" или о сознательных стратегиях глобализаторов. Если брать этнонациональные аспекты политики, то здесь на самом деле можно выявить немало неизвестных. На равных основаниях (как непротиворечивые и логически завершенные теоретические построения) существуют и конкурируют друг с другом концепции примордиалистов и конструктивистов. Отнюдь неочевидно почему, в силу каких условий и обстоятельств именно этническая группа (и соответственно этническая интерпретация нации) выступает последним при-

бежищем в условиях социальной аномии, трансформационного кризиса или коллапса социальной и политической систем. Равно как и является ли подобное стечение обстоятельств закономерным развитием тенденций (глобализации, модернизации etc.) или представляет собой случайную констелляцию факторов. Кроме того, нет никакой ясности и по поводу вопроса о том, является ли таким уж неизбежным, например, распад крупных полиэтнических и поликонфессиональных общностей в условиях глобализации и перехода к индустриальному (постиндустриальному) обществу или имеет место нечто иное - выбор и последовательное проведение в жизнь определенной стратегии и сценариев глобализации, способствующих подобному (а не иному) развитию событий со стороны стран - лидеров модернизационной гонки.

Вопросы формирования, интериоризации, возрождения национальной идентичности, а также проблемы разработки и имплементации "политики идентичности" в современных международных отношениях являются отнюдь не праздными. В рамках традиционной позитивистской картины мира совокупность представлений об окружающей нас политической действительности воспринимается как результат реконструкции тщательно собранных фактов и анализа отношений,

В сегодняшнем стремительно виртуализирующемся и информационно насыщенном мире особенности политического дискурса ведущих мировых держав оказывают существенное формирующее влияние на трансформирующуюся систему международных отношений.

приводящий к объективному, всесторонне фундированному и безусловно валидному знанию. Теория в этом смысле представляет собой лишь "познавательную реакцию на реальность, а не является интегральной частью происходящего. Иными словами теория появляется после факта¹". Проблема однако состоит в том, что, по крайней мере, в нашем постмодернистском мире суждения подобного рода уже не кажутся слишком убедительными. Напротив, возникает впечатление, что именно теории (и их авторы - отзывчивые на запросы политического истеблишмента представители академического и интеллектуального сообщества) играют все большую роль в формировании фактов и, собственно говоря, в определении того, что есть факты.

Применительно к ситуации современных международных отношений это в полной мере относится, например, к проблеме нестыковки в рамках действующего международного права "права наций на самоопределение" и принципа "неприкосновенности" границ государств. Правило "избирательной легитимности" проявляется здесь не только на уровне признания или непризнания конкретных случаев сепарации и принятия политических решений *ad hoc*, но и на уровне более высокой абстракции - интерпретации "слов и смыслов". В самом деле, какие именно этнические (или, например, конфессиональные) идентичности стоит рассматривать как релевантные, а какие нет? На основании каких принципов конкретные этнические или конфессиональные группы допускаются к самоидентификации? Какую роль играет политика идентичности в современной теории и практике международных отношений? Возможность формулировать наиболее общие ответы на все эти и многие другие вопросы является частью того, что принято ныне называть "программирующим лидерством", *soft power* стран Запада и, прежде всего, США в современном мире. А способность с их стороны в случае необходимости реинтерпретировать ситуацию и скорректировать (если не поменять вообще) правила игры на международной арене становится функциональным эквивалентом права сильного.

В сегодняшнем стремительно виртуализирующемся и информационно насыщенном мире особенности политического дискурса ведущих мировых держав (понимаемого в том числе и в качестве своеобразного политического языка, набора семантических сим-

волов и кодов) оказывают существенное формирующее влияние на трансформирующуюся систему международных отношений. В связи с этим сам характер дискуссий в академическом и интеллектуальном сообществе и политическом истеблишменте стран Запада имеет тенденцию не только определять тон, но и в некотором смысле предвосхищать принципиальные изменения в конфигурации системы международных отношений и задавать основные тренды на годы вперед. Власть знания, возможности влияния на проведение политического курса и параметры политических процессов со стороны экспертного и академического сообщества в этом плане оказываются ныне как никогда высоки (в особенности в США, где к рекомендациям обладающих статусным капиталом специалистов принято относиться довольно серьезно). Так что в некотором смысле мы живем в мире доминирующей западной меритократии (или все-таки бюрократии, пусть

Ощущение своих обязательств перед государством развивалось у человека в процессе его участия в демократических институтах. Нация в этом смысле безусловно означала объединение граждан.

и обладающей соответствующим статусным капиталом) с ее стремлением универсализировать удобные для системы глобального регулирования понятия и ценности и одновременно сформировать рамки для интерпретаций современной мировой политики и повестки дня на будущее. О том, насколько свое-

образно конструктивистским стал в минувшие десятилетия мир политики говорит, хотя бы, пример с эволюцией значения и особенностями интерпретации понятий нация и нация-государство.

Истолкование национализма как стремления этносов к организации собственных государств и нации-государства как политически организованного этноса представляется на самом деле несколько упрощенным и относительно молодым, широко распространившимся лишь в последние десятилетия. Хронологически первой появилась как раз не этническая, а территориально-политическая концепция нации, вышедшая из под пера французских просветителей в XVIII в. Согласно данной концептуализации под нацией понималось суверенное сообщество граждан, занимающее определенную территорию и подчиняющееся единым законам и одним и тем же правителям. Концепция нации-государства оказывалась теснейшим образом связана с концепциями народного суверенитета, правового государства, гражданского общества. В качестве членов национального государства рассматривались составлявшие его граждане (т.е. индивиды, а не лингвистические, культурные и иные сообщества).

Ощущение своих обязательств перед государством развивалось у человека в процессе его участия в демократических институтах. Нация в этом смысле безусловно означала объединение граждан. Очевидно, что подобная концептуализация понятия нация была тесно связана с особенностями исторической эволюции таких западно-европейских стран, как Англия, Франция или Испания, где существовавшие границы королевств и империй никогда не совпадали с границами языкового и этнического расселения европейских народов, но где политическое единство в рамках государства, в конечном счете, конституировало этническое и культурное сближение, повлекшее формирование современных наций. Как проницательно отметил в свое время Х.Ортега-и-Гассет, вовсе не природная общность расы и языка создавала нацию, а наоборот, национальное государство в своей тяге к объединению должно было бороться со множеством рас и языков. Подобная "конструктивистская" позиция широко распространена в западной политологии. Основной инновацией за последние десятилетия стало рассмотрение процесса становления современных наций в теснейшей связи с процессом модер-

Становление наций в этом случае рассматривалось в качестве закономерного следствия возникновения замкнутых "национальных" экономик и политических систем пе-

риода Нового времени. В качестве основных императивов процесса "создания" или "строительства" наций у западных авторов выступают самые разнообразные факторы - К.Дойч делал акцент на интенсивности коммуникации и роли систем массовых коммуникаций, Э.Хобсбаум отмечал значение элит и социально-экономической модернизации, Ч.Тилли и М.Манн подчеркивали роль бюрократического абсолютистского государства в Европе начала Нового времени и войн эпохи абсолютизма. Однако общая канва процесса возникновения современных наций оставалась неизменной. Нации рассматривались как исторический феномен, возникающий в процессе модернизации тех или иных сообществ и либо непосредственно из него вытекающий, либо являющийся побочным продуктом трансформации традиционных обществ, становления их как обществ "современных". Весь оптимизм и пафос литературы 50-70-х гг. XX в., посвященной проблематике постколониального "создания наций" (nation-building), базировался именно на "конструктивистских" представлениях о сущности этого феномена.

Этнополитический фактор таким образом становится реально значимым в международных отношениях лишь в середине XIX в.

Этнокультурные интерпретации были предложены в XIX в. немецкими романтиками. Они базировались на своеобразном историческом опыте (ирредентистской идеологии, ментальности "разделенных народов" и т.д.) и постулировали приоритет этнокультурной общности по отношению к формам политического устройства. Государство в подобной интерпретации начинало рассматриваться в качестве легитимного только в том случае, если охватывало некую сложившуюся и территориально локализованную этнокультурную общность. Нация таким образом стала определяться в терминах политически организованного этноса. Данная концептуализация проблемы получила распространение в немецкоязычной литературе, а вместе с ней стала доминирующей в марксистских интерпретациях понятия "нация". Этнополитический фактор таким образом становится реально значимым в международных отношениях лишь в середине - второй половине XIX в. (в ходе процессов формирования на основе существующего этнокультурного единства новых относительно гомогенных в этническом смысле наций-государств - Германии и Италии, а затем подъема этнического национализма на Балканах).

Идея этнической гомогенности наций-государств была в значительной мере скомпрометирована в межвоенный период, когда по окончании первой мировой войны в соответствии с озвученным В.Вильсоном принципом самоопределения наций был образован целый ряд "национальных" государств Центральной и Восточной Европы (типа Чехословакии и Югославии). Ни одно из них не оказалось, в конечном счете, этнически однородным, и каждое из них так или иначе воспроизвело схему подавления национальных меньшинств, свойственную в прошлом порицаемым империям. "Логическим следствием попытки создать континент, аккуратно разделенный на самостоятельные государства, каждое из которых имело бы этнически и лингвистически однородное население, стало массовое изгнание и уничтожение меньшинств³". Эти попытки этнической гомогенизации не смогли предотвратить, а в некотором смысле и спровоцировали начало второй мировой войны, геноцид, этнические чистки и т.д.

В результате, этнический национализм, равно как и педалирование этнократических принципов в процессе построения государственности, оказались скомпрометированы, неприемлемы для западных политиков в моральном плане и оставались невостребованными на протяжении нескольких десятилетий. В особенности это обстоятельство проявилось в ходе деколонизации и в рамках работы с постколониальными политическими образованиями - полиэтническими и поликонфессиональными в своей массе. Архаизирующий трайбализм и этнический национализм оказались стигматизированы и рас-

считались в качестве основных препятствий на пути реальной политической и социально-экономической модернизации стран третьего мира. Этнические, даже племенные идентичности существовали и отнюдь не испытывали тенденций к серьезной эрозии (за исключением районов крупных мегаполисов). Но никому не приходило в голову поднимать на щит и активно использовать эти тенденции в глобальных политических целях и тем более рассматривать в качестве некоего *mainstream'a* в развитии общественно-политических процессов.

В этом смысле возрождение интереса к этнополитическим факторам мировой политики в 80-х гг. прошлого века явилось не только следствием объективных процессов "ренационализации" политики. Характеризовавшаяся проявлением аффективных, эмоциональных и иррациональных начал в жизни социума современная ренационализация

Потеря того или иного сегмента или распад сообщества в целом подразумевает сужает возможности индивидуального выбора (с точки зрения множественности возможных культурных, лингвистических, цивилизационных и т.п. самоидентификаций), но не разрушает принципов демократии.

политики явно выпадала за рамки классического либерального национализма стран Запада. Однако она далеко не всегда была и проявлением архаизации. Скорее имело место попытка своеобразного синтеза примордиалистских и конструктивистских установок, при все большем преобладании конструктивизма.

Новый национализм явно демонстрировал этнократические тенденции и черты и в этом

смысле служил одним из средств реорганизации мирового политического пространства. Коллективная национальная идентичность в том виде, в котором она формировалась, например, на восточноевропейском и постсоветском пространстве, далеко не всегда являлась продолжением некой "органической" этнокультурной традиции и, тем более, не представляла собой суммы индивидуальных идентичностей членов сообщества. Она (иногда достаточно произвольно) формулировалась и конструировалась представителями элит и не существовала вне политического дискурса и вне контекста политической борьбы. Собственно существование этой идентичности временами зависело не столько от процессов, протекающих внутри тех или иных государств, сколько от действий других участников мирового политического процесса, государственных (обеспечивающих соответствующую интерпретацию и легитимность) и негосударственных акторов системы международных отношений. Достаточно вспомнить здесь роль мирового сообщества и СМИ (как отмечалось многими аналитиками, прежде всего, эффекта CNN) в создании идентичности боснийских мусульман или, например, косоваров (причем, что характерно, именно косоваров, а не албанцев).

Процессы ренационализации получали реальную моральную и интеллектуальную подпитку. Западным академическим сообществом они оценивались сквозь призму политкорректного благодушия в отношении деятельности этнических меньшинств. В западной политологии, вообще, наблюдается тенденция в принципе игнорировать проблему негативных последствий сецессии и сепаратизма. Распад политического сообщества как такового, либо сецессия его отдельных сегментов не представляются чем-то из ряда вон выходящим. С точки зрения сторонников мультикультурализма, подобный исход, разумеется, не является благом. Однако они не склонны и драматизировать его. Потеря того или иного сегмента или распад сообщества в целом подразумевает сужает возможности индивидуального выбора (с точки зрения множественности возможных культурных, лингвистических, цивилизационных и т.п. самоидентификаций), но не разрушает принципов демократии. Приверженцев более традиционных версий теории демократии это обстоятельство заботит еще меньше, поскольку именно относительно гомогенные в культурном и этническом плане сообщества обладают преимуществами в

институционализации демократических институтов и консолидации демократических режимов. Общность истории и культуры снижает издержки на обеспечение действенности политической коммуникации, обеспечивает унификацию политико-культурного фонда. В этом случае как раз примеры "общественной", "консоциативной" (термин А.Лейпхарта) демократии в многосоставных сообществах выглядят выбивающимися из общего ряда исключениями.

В многосоставных обществах, где утверждаются множественные идентичности, каждая из социальных идентичностей (этническая, конфессиональная, территориальная и т.д.) пытается найти выход в политическую сферу. Так что дискурс национальной идентичности, в котором сходятся и переплетаются разные политические интересы и их символические репрезентации, неизбежно оказывается в высокой степени политизированным⁴. Но то, что он в ряде случаев приобретает метафорическую форму решения "национального вопроса", во многом связано с предлагаемыми западными политиками и интеллектуалами рамками политического анализа и легитимирующими практиками. Суть проблемы ренационализации в этом смысле не только в объективных тенденциях эволюции, связанных с проявлениями глобализации, а в конструируемом политическом и интеллектуальном контексте. И прежде всего - в создании особого политического дискурса, в рамках которого (причем уже на уровне семантических кодов и программируемых политических установок) этнополитическим факторам отводится важное место.

Источники и литература:

1. George J. Of incarceration and closure: neorealism and the new/old world orders // *Millenium: Journal of International Studies*, 1993, Vol.22, № 2, p.213.

2. Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Национализм и формирование наций. М., 1994; Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994; Хобсбаум Э. Нации

и национализм после 1780 г. СПб., 1998; Нации и национализм. М., 2002; Breuilly J. *Nationalism and the State*. Manchester, 1982; Smith A.D. *Theories of Nationalism*. London, 1983 и др.

3. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998, с.211.

4. Политическая идентичность и политика идентичности. Т.1-2. М.: РОССПЭН, 2012.